

Госплан и проблема конверсионного перехода в военной промышленности СССР во второй половине 1940-х гг.

Алексей Захарченко

**Gosplan and the problem of conversion in the Soviet military industry
in the second half of the 1940s**

Alexey Zakharchenko
(*Financial University under the Government
of the Russian Federation, Moscow*)

DOI: 10.31857/S2949124X23050061, EDN: OXDGOG

Историографический консенсус характеризует Госплан СССР как ведомство, выполнявшее прежде всего технические функции. К ним, как правило, относят разработку и корректировку краткосрочных и долгосрочных планов, экспертные заключения по хозяйственным вопросам и т.п. На мой взгляд, однако, Госплан выступал ключевым действующим лицом межведомственных отношений в рамках реализации экономической политики. Я постараюсь доказать этот тезис на примере послевоенной конверсии — важной составной части выполнения плана четвёртой пятилетки (1946–1950).

Методологической основой исследования является институциональный подход, внимание которого сконцентрировано на процессе и механизмах взаимодействия институтов хозяйственной системы (в исследуемом случае — Госплан и наркоматы/министерства). С его помощью я попытаюсь ответить на следующие вопросы: какова была роль Госплана как бюрократической структуры в системе хозяйственных межведомственных отношений; как конверсия повлияла на отдельные отрасли военной промышленности и как их представители реагировали на данный процесс; имел ли Госплан самостоятельную позицию по вопросу о перестройке экономики или являлся исполнителем принятых руководством страны решений.

Хронологические рамки конверсионного перехода — 1945–1950 гг., период, когда «номенклатура по продукции военного назначения была полностью обновлена»¹. Под конверсионным переходом понимается процесс реорганизации производства и управления военно-промышленным комплексом, адаптации его к работе в условиях мирного времени. С одной стороны, данный процесс выражался в сокращении выпуска устаревших образцов вооружения (именно в этом контексте и будут проанализированы межведомственные отношения и роль Госплана). С другой — в перевооружении, проявившемся в стремительном росте новых военно-промышленных отраслей и связанных с ними технологий, которые получали значительные капиталовложения (атомное оружие,

© 2023 г. А. В. Захарченко

¹ Быстрова И. В. Советский военно-промышленный комплекс: проблемы становления и развития (1930–1980-е годы). М., 2006. С. 239.

реактивная, радиолокационная техника). Данное направление исключено из исследования: значительная часть ведомственных документов (в том числе и в фонде Госплана) до сих пор не рассекречена, доступные же материалы основательно изучены в отечественной и зарубежной историографии².

Основа исследования — хранящиеся в Российском государственном архиве экономики документы фонда Госплана СССР³. Материалы его отделов, курировавших производство вооружения и боеприпасов, отражают позицию представителей оборонных отраслей промышленности в отношении планирования и реализации конверсии, их стремление минимизировать её издержки. Большую ценность представляют докладные записки инспекторов Госплана, изучавших процесс перехода предприятий ВПК на выпуск гражданской продукции. Важную роль в изучении вопросов планирования и определения параметров послевоенной пятилетки играют документы сводного отдела ведомства.

Эту группу источников дополняют материалы Государственного комитета обороны (ГКО), хранящиеся в Российском государственном архиве социально-политической истории⁴. В мае–сентябре 1945 г. комитет принял ряд важных постановлений, касающихся реорганизации военной промышленности, сокращения производства на предприятиях таких ведомств, как Наркомат боеприпасов и Наркомат вооружения, и перевода значительной части их мощностей на выпуск товаров гражданского назначения.

Опубликованный комплекс документов Политбюро ЦК ВПК(б) и Совета министров СССР⁵, а также аннотированный указатель постановлений ГКО⁶ позволяют выяснить, как И.В. Сталин распределял полномочия среди своего ближнего круга, в котором основные вопросы, связанные с развитием ключевых отраслей экономики (в частности ВПК), курировали Л.П. Берия и Н.А. Вознесенский.

Решение заявленной проблемы представляется важным в связи с тем, что вопросы о послевоенном планировании, роли Госплана в управлении экономикой, позиции ведомств (в первую очередь оборонного профиля, которых конверсия затронула в наибольшей степени) пока ещё исследованы недостаточно. Лучше всего освещён период 1930-х гг., в частности борьба наркоматов за ресурсы в рамках подготовки и реализации хозяйственных планов⁷. Однако межведомственные отношения при реализации экономической политики в 1940-х гг. исследовались гораздо меньше. Существующая историография

² Холловой Д. Сталин и бомба: Советский Союз и атомная энергия. 1939–1956. Новосибирск, 1997; Uhl M. Stalin's V-2. Der Technologietransfer der deutschen Fernlenkwaffentechnik in die UdSSR und der Aufbau der sowjetischen Rakettenindustrie 1945 bis 1959. Bonn, 2001; Артёмов А.Т. Атомный проект в координатах сталинской экономики. М., 2017.

³ РГАЭ, ф. 4372, оп. 94, д. 302, 338, 792, 1068, 1071, 1077, 1108, 1546, 1548; оп. 97, д. 93; оп. 98, д. 219, 220.

⁴ РГАСПИ, ф. 644, оп. 1, д. 503; оп. 2, д. 498, 505, 506.

⁵ Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР. 1945–1953 / Сост. О.В. Хлевнюк, Й. Горлицкий. М., 2002.

⁶ Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность. 1941–1945 гг. Аннотированный каталог. В 2 т. Т. 1. М., 2015.

⁷ Маркевич А.М. Советская экономика 1930-х гг. Отраслевые наркоматы и главки: официальные задачи и реальная практика // Экономическая история. Обозрение. Вып. 8. М., 2002. С. 89–91; Маркевич А.М. Управление советской промышленностью в 1930-е гг.: внутренние противоречия и реформы // Россия в XX веке: реформы и революции. Т. 2. М., 2002. С. 170–176; Белова Е.Б. Стихия плана: практика работы Госплана СССР в первой половине 30-х гг. // Экономическая история: ежегодник. 2001. М., 2002. С. 580–607.

примечательна работами О.В. Хлевнюка, содержащими анализ борьбы за влияние в сталинском окружении, Н.С. Симонова, одним из первых затронувшего проблему планирования в системе ВПК, И.В. Быстровой, изучившей межведомственные отношения на уровне номенклатурных групп ВПК, а также Е.В. Баева, выделившего как отдельную проблему конфликт Госплана РСФСР с гражданскими ведомствами⁸. Британский экономист и историк М. Харрисон на примере авиационной промышленности обратил внимание на специфический характер конкуренции внутри советского ВПК. Изучив соперничество руководителей конструкторских бюро, добивавшихся принятия в серийное производство своих технических разработок⁹, он скептически оценил качество статистических материалов, в том числе тех, которыми в своих расчётах оперировали плановики¹⁰. Искажение представлявшейся Госплану информации о хозяйственных возможностях и производственной деятельности, по мнению многих исследователей, превращало его в объект манипуляции со стороны ведомств.

Изучив документы 1930-х гг., отражавшие процесс планирования, Е.Б. Белова отметила: «Госплан не являлся держателем материальных и финансовых ресурсов, следовательно, не мог распоряжаться ими по своему усмотрению», не мог отдавать прямые приказы хозяйственным агентам (наркоматам и т.д.). Ему была доступна только институциональная власть, «которая определялась лишь правилами игры, принятыми в высшем эшелоне управления экономикой. Ему отводилась роль эксперта. Резолюция Госплана была необходима при принятии практически всех хозяйственных решений. Реальная власть планировщика в советской экономике 1930-х гг. — это власть подписи»¹¹.

Оценка канадского историка М. Эделя ещё скептичнее: Госплан находился в заведомо уязвимой позиции, поскольку был отрезан от реальной информации о хозяйственном положении на местах. Представители всех уровней бюрократической вертикали, от директорского корпуса до отраслевых ведомств, руководствуясь правилом «получить больше, потратить меньше», фальсифицировали материалы о работе своих организаций. «Формально Госплан устанавливал планы, наркоматы (позже министерства) уточняли их для своей сферы надзора, а подчинённые им предприятия добросовестно выполняли их. Однако в действительности абстрактная работа планировщиков имела мало отношения к тому, что происходило на местах. Инженеры и руководители производства чувствовали себя выше государственных служащих, возмущались неэффективностью планирующих органов. Те, кто якобы руководил этим хозяйством на основе своих статистических таблиц, составленных, надо добавить, на счётах

⁸ Хлевнюк О.В. Советская экономическая политика на рубеже 1940–1950-х годов и «Дело Госплана» // Отечественная история. 2001. № 3. С. 77–89; Хлевнюк О.В., Горлицкий Й. Холодный мир: Сталин и завершение сталинской диктатуры. М., 2011; Симонов Н.С. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е годы: темпы экономического роста, организация производства и управление. М., 1996; Быстрова И.В. Советский военно-промышленный комплекс...; Баев Е.В. Конфликты между Госпланом РСФСР и республиканскими отраслевыми министерствами и ведомствами (1946–1953 гг.) // Вестник Московского университета. Сер. 21. Управление (государство и общество). 2019. № 2. С. 63–80.

⁹ Guns and rubles: the defense industry in the Stalinism state / Ed. by M. Harrison. New Haven; L., 2008. P. 226.

¹⁰ Ibid. P. 25–26, 28.

¹¹ Белова Е.Б. Стихия плана... С. 596.

и сведённых вручную, с досадой отмечали, что крупные предприятия отказывались сотрудничать с плановыми органами»¹².

Венгерский экономист Я. Корнай, исследуя механизм планирования в СССР и странах «социалистического лагеря», также отмечал стремление хозяйственных руководителей сознательно вводить плановые органы в заблуждение, «искажать информацию путём предоставления заниженных по сравнению с ожидаемыми в плане данных о мощностях, и завышенных — о необходимых ресурсах». Подобное поведение приводило к тому, что плановики просто не могли правильно оценить наличие материальных и кадровых ресурсов, которыми располагали ведомства, скрывавшие реальные результаты своей деятельности¹³. П. Грегори (США) назвал такое поведение «оппортунизмом производителей», а советскую плановую экономику — «экономикой обмана»¹⁴.

Даже Харрисон, не склонный принижать влияние Госплана, признал факт искажения информации хозяйственниками, пытавшимися манипулировать данными экономических показателей в отношениях с плановыми органами. Систематическое невыполнение наркоматами и подведомственными им предприятиями планов не имело отношения к некомпетентности в работе плановиков, «поскольку в реальных условиях, которые плановики заранее знать не могут, ни один план не гарантирует успеха, а детальное выполнение заданий невозможно — в лучшем случае это побочный продукт адаптивного процесса». Самой важной проблемой в плановой системе, по его словам, оказалась «неспособность плавно и непрерывно адаптировать планы к имеющимся ресурсам и реальным условиям, при которых они должны быть обеспечены... Информация о реальных условиях, позволявшая адаптировать план, удерживалась или скрывалась на предприятии, а полномочия санкционировать корректировку плана находились или удерживались в плановых органах. Соккрытие информации низшими уровнями и отказ высших уровней адаптировать план стали системными чертами процесса планирования»¹⁵.

Таким образом, можно говорить о том, что, по мнению некоторых отечественных и зарубежных исследователей, роль Госплана в принятии решений была вспомогательной, поскольку как государственный институт он не обладал властным ресурсом. Но верно ли это суждение? Полагаю, что Белова, возможно, права в отношении 1930-х гг., обстановки неразберихи первых пятилеток и чисток, в которых были уничтожены многие представители этого ведомства, включая двух председателей. Однако в дальнейшем ситуация поменялась, что объясняется ролью нового главы Госплана.

Параллельный процесс: карьерный взлёт Н.А. Вознесенского и усиление влияния Госплана на экономическую политику СССР. Авторитетные российские и западные историки отмечают, что Вознесенский на протяжении 1940-х гг. пользовался доверием Сталина, ценившего его качества экономиста и администратора¹⁶. Харрисон полагает, что это доверие вполне заслуженно. Вознесенский вошёл в число молодых, квалифицированных специалистов, сделавших

¹² Edele M. *Stalinist society: 1928–1953*. Oxford, 2011. P. 196.

¹³ Корнай Я. *Социалистическая система. Политическая экономия коммунизма*. М., 2000. С. 148.

¹⁴ Грегори П. *Политическая экономия сталинизма*. М., 2008. С. 161, 181–182.

¹⁵ *Soviet planning in peace and war, 1938–1945*. Cambridge, 2002. P. 35.

¹⁶ Ibid. P. 230; Хлевнюк О.В., Горлицкий И. *Холодный мир...* С. 102.

стремительную карьеру на волне массовых репрессий¹⁷. Конечно, молодой руководитель серьёзно рисковал: «Контекст массовых репрессий, административной нестабильности и экономического кризиса вряд ли был благоприятным. Однако продвижение Вознесенского оказалось на удивление плодотворным. Ему посчастливилось принадлежать к тому поколению советских руководителей, которые, с головокружительной быстротой поднявшись на посты, освобождённые главными жертвами репрессий, достигли вершины как раз тогда, когда волна террора схлынула. Представители этого поколения получили уникальную возможность прийти во власть, укрепить свои позиции... Многие из них сделали это с таким успехом (А.Н. Косыгин, М.А. Сулов, Д.Ф. Устинов), что доминировали в советской политике в течение следующих сорока с лишним лет»¹⁸.

Талантливый и энергичный, Вознесенский быстро наладил работу Госплана, в частности восстановил его контрольные функции при помощи сети полномочных представителей на областном и республиканском уровнях. Ранее местные плановые управления подчинялись региональным органам власти, что создавало препятствия для централизованной координации хозяйственного развития регионов. Отныне же уполномоченные Госплана выступали в качестве «местных агентов, непосредственно подчинённых Москве»¹⁹, не ангажированных региональными верхушками и не зависевших от позиции министерств. Они сыграли важную роль в решении таких вопросов предвоенного периода, как развитие новых топливно-металлургических баз (особенно на Востоке СССР), экономия топлива и электроэнергии, рационализация сложной субподрядной сети вокруг машиностроения. Вознесенский требовал от подчинённых, чтобы они участвовали в процедуре проверки планов на местах. Через главную статистическую службу — Центральное управление народно-хозяйственного учёта — шли регулярные отчёты (пять дней, декада) о выполнении заданий по промышленным отраслям. Это новшество привело к изменениям в структуре ведомства. В октябре 1940 г. были созданы девять региональных отделов для разработки проблем территориального размещения производительных сил, межзаводского субподряда, региональных балансов снабжения и проверок выполнения плановых заданий на местах.

Эти мероприятия, а также разработка Вознесенским «баланса народного хозяйства» и его инициативы в области долгосрочного планирования обусловили рост влияния нового главы Госплана и, как следствие, укрепление положения его ведомства в системе управления экономикой. Это в свою очередь привело к вовлечению плановиков в конфликты с отраслевыми ведомствами, конкурировавшими друг с другом за влияние на материально-техническое снабжение. «Другая область потенциального конфликта — между агентами Госплана СССР и местными партийными органами»²⁰.

¹⁷ Soviet planning in peace and war... P. 13.

¹⁸ Ibid. P. 18.

¹⁹ Суть работы уполномоченных Госплана заключалась в проверке выполнения на местах планов центра, выявлении запасов продукции и возможностей для ликвидации профицита, установления более высоких заданий, оценки эффективности региональной специализации и межрегиональных перевозок, надзоре за межрегиональным распределением электроэнергии. К лету 1940 г. назначили 14 уполномоченных, каждый руководил аппаратом в 10–14 сотрудников (Ibid. P. 21, 22).

²⁰ Ibid. P. 27.

В 1940-х гг. усиление аппаратных позиций Вознесенского продолжалось. Накануне войны он занял пост заместителя председателя Совета народных комиссаров СССР, в годы войны вошёл в состав высшего органа власти — Государственного комитета обороны²¹, в августе 1945 г. Сталин включил его в руководящую группу по атомному проекту²². 6 сентября того же года, после упразднения ГКО, в структуре СНК СССР были созданы два оперативных бюро для руководства деятельностью наркоматов и других организаций. Одно из них, курировавшее сельское хозяйство, отрасли лёгкой и пищевой промышленности, Министерство обороны и другие непромышленные ведомства, возглавил В.М. Молотов. Вознесенский должен был войти в него в качестве рядового члена, но Сталин напротив его фамилии вписал слово «заместитель».

Глава Госплана также вошёл в оперативное бюро, призванное курировать важнейшие промышленные наркоматы²³. В марте 1946 г. он стал заместителем Берии по общему бюро Совета министров СССР (оперативные бюро были упразднены), в которое вошли все сталинские замы в правительстве²⁴. На пленуме ЦК ВКП(б) 26 февраля 1947 г. Сталин предложил избрать Вознесенского членом высшего партийного органа — Политбюро, подчеркнув, чтобы никто не высказывал возражений на этот счёт²⁵. В том же месяце Вознесенский возглавил новое бюро Совета министров СССР — по металлургии и химии²⁶. В марте 1948 г. он достиг своей последней высоты в бюрократической иерархии — поста сопредседателя бюро Совета министров СССР (вместе с Берией и Маленковым)²⁷. Таким образом, Вознесенский входил в руководство всех высших государственных структур, занимавшихся управлением экономикой.

Как уже отмечалось, сила Госплана заключалась в том, что это ведомство являлось наиболее информированным по вопросам хозяйственной статистики и компетентным в сфере экономического анализа. Его сотрудники готовили материалы, на основании которых принимали решения высшие партийные (Политбюро, затем Президиум ЦК КПСС) и государственные органы (СНК/Совет министров СССР). Поэтому нет ничего удивительного в том, что плановики находились под бюрократическим прессом. Аппарат Вознесенского зачастую не успевал оперативно реагировать на поступающую информацию, материалы подолгу «залёживались», ожидая резолюции. Причём ответа ждали и документы, поступающие из правительства. Так, 25 октября 1946 г. его управляющий делами Я.Е. Чадаев направил Вознесенскому записку, в которой отмечал, что на 22 октября 1946 г. на рассмотрении Госплана находятся 85 поручений правительства, из них четыре задерживаются рассмотрением свыше четырёх месяцев, 11 — свыше трёх, 22 — свыше двух месяцев. Чадаев напоминал: «Несмотря на неоднократные упоминания Управления делами Совета Министров СССР, целый ряд поручений, по которым уже предоставлялись отсрочки, на 22 октября 1946 г. вновь оказываются просрочены исполнением». Через три дня Вознесен-

²¹ Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность... Т. 1. С. 5.

²² Артёмов А.Т. Атомный проект... С. 53–61; Быстрова И.В. Советский военно-промышленный комплекс... С. 441.

²³ Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР... С. 21–23.

²⁴ Быстрова И.В. Советский военно-промышленный комплекс... С. 442.

²⁵ Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР... С. 45.

²⁶ Там же. С. 41–43; Данилов А.А., Пыжиков А.В. Рождение сверхдержавы: СССР в первые послевоенные годы. М., 2001. С. 241.

²⁷ Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР... С. 57.

ский запросил объяснения от заместителей (П.И. Кирпичникова, М.З. Сабурова, Г.П. Косяченко, Н.М. Силуянова и др.), в секретариатах которых выявили наибольшее количество неотработанных правительственных документов²⁸.

На мой взгляд, характеристика Госплана как бюрократической структуры, не игравшей самостоятельной роли в принятии властных решений в силу отсутствия необходимых ресурсов и полномочий, не принимает во внимание реальные аппаратные возможности плановиков. На деле Госплан, обладавший обширной информацией о состоянии народного хозяйства, являлся главным разработчиком стратегии его развития. Он также располагал профессиональными кадрами, благодаря чему оставался главной организацией по оценке возможностей и потенциала наркоматов/министерств. Позиция Госплана всегда учитывалась при распределении фондов (ресурсов), за которые шла ожесточённая межведомственная борьба. Умение учитывать позицию представителей высшего руководства — Сталина и его заместителей в правительстве, курировавших отраслевые блоки, — правильно расставлять акценты, предоставляя информацию «наверх», существенно расширяло возможности плановиков влиять на процесс принятия властных решений.

Замысел и реалии конверсионного перехода в 1945–1946 гг. Сразу же после победы над Германией Госплан начал готовить материалы по перестройке промышленности в связи с сокращением производства вооружения. 23 мая 1945 г. проект постановления ГКО на эту тему (за подписью Вознесенского, его заместителя Кирпичникова, курировавшего оборонные отрасли промышленности, наркома вооружений Д.Ф. Устинова и члена оперативного бюро СНК СССР Н.М. Шверника²⁹) поступил в секретариат Берии — именно он как председатель оперативного бюро ГКО должен был принять решение о его представлении на подпись Сталину. 26 мая проект утвердили. В соответствии с ним сокращался выпуск снарядов, противопехотных мин, ручных противотанковых гранат. К примеру, предприятия Наркомата боеприпасов должны были в июле сократить выпуск корпусов снарядов (23мм, 37мм, 76мм, 85мм, 100мм) на 172 тыс. единиц, корпусов мин (107мм, 120мм) на 40 тыс., ручных противотанковых гранат и противопехотных мин — на 25 тыс. единиц по сравнению с июнем³⁰. По ряду предприятий — поставщиков вооружения сокращалось или полностью прекращалось производство 76мм дивизионных пушек, пистолетов-пулемётов, 120мм полковых миномётов. Урезались фонды на поставку металлов и оборудования для Наркомата вооружения (НКВ). При этом руководители военно-промышленных наркоматов оказались в трудном положении, поскольку от них требовали сохранить мобилизационные мощности для оборонного выпуска на достигнутом в годы войны уровне. Три десятка предприятий других наркоматов, связанных с обеспечением армии, освобождались от производства вооружений наполовину или полностью и переводились на гражданскую продукцию³¹.

Последующими постановлениями и распоряжениями ГКО (6 и 24 июня, 23 и 30 августа) урезались объёмы производства авиационного вооружения, демонтировалось использовавшееся для изготовления боеприпасов оборудование на заводах танковой промышленности. Предприятиям, занятым в годы войны

²⁸ РГАЭ, ф. 4372, оп. 94, д. 1108, л. 28.

²⁹ Там же, д. 1077, л. 63–65а.

³⁰ РГАСПИ, ф. 644, оп. 1, д. 503, л. 150.

³¹ Там же, оп. 2, д. 498, л. 74, 76, 82–85.

на производстве стрелкового оружия, боеприпасов, военно-инженерного имущества, во втором квартале 1945 г. сокращались фонды на сырьё и материалы (прокат, чугун, кокс, метизные изделия)³².

В целях укрупнения патронных заводов и освобождения ими временно занятых площадей гражданских ведомств в течение июня–июля провели их передислокацию. Патронный завод № 529 из Свердловской обл. переводился в Подольск (Московская обл.) на территорию заводов № 710 и 711. Иркутский завод № 540 переезжал в Удмуртию и размещался на площадях завода № 544 (г. Глазов). Завод № 54 переводился из Челябинска в Тулу, на завод № 539. С Южного Урала (г. Чкалов) на Донбасс на площадку завода № 270 в Ворошиловграде прибывало оборудование завода № 454. Освобождаемые предприятиями Наркомата вооружения помещения передавались Наркомату бумажной промышленности³³.

Таким образом, конверсия затронула в первую очередь военные заводы, выпускавшие боеприпасы и взрывчатые вещества, артиллерию, миномёты, стрелковое оружие. Программа по боевой технике поначалу не подверглась существенному сокращению в ожидании войны с Японией. Накануне её советское руководство даже приняло решение о наращивании отдельных видов вооружений. Так, 21 июня постановление ГКО увеличило выпуск артиллерийских систем: 57мм противотанковых пушек ЗИС-2, 100мм полевых пушек БС-3, 122мм корпусных пушек А-19, 152мм гаубиц Д-1, 160мм миномётов³⁴. Однако снижение выпуска по обычным вооружениям (танкам, артиллерии, боевой авиации), которые к тому же ожидали дальнейшей модернизации, являлось лишь вопросом времени.

Как проявление конверсии следует рассматривать и постановление СНК СССР от 23 января 1946 г. о проведении на предприятиях Наркомата вооружений ревизии «излишков материальных ценностей». Её проводили уполномоченные Госплана в регионах. Под «излишками» понимались неиспользованные материалы и сырьё, скопившиеся за военные годы на заводских складах. В мае проверка завершилась. Только по пяти предприятиям (заводы № 74 и 524 в Удмуртской АССР, № 237 в Татарской АССР, № 221 в Сталинградской и № 188 в Новосибирской областях) таких излишков зафиксировали на сумму почти 24 260 тыс. руб.³⁵ В их число входили сталь и проволока, химикаты, чёрные и цветные металлы, прокат. Директоров заводов обязали сдать их на базы сбытовых организаций, однако не все имели такую возможность — для вывоза требовался дополнительный железнодорожный транспорт, которого не хватало³⁶.

Понимание того, какими темпами должен осуществляться конверсионный переход, приходило постепенно. Первоначально плановики подошли к этому вопросу осторожно, полагая, что сокращение валовой продукции военной промышленности в третьем квартале 1945 г. по сравнению с военными месяцами второго квартала (апрель–июнь) составит 5,5 млрд руб. Однако цифры оказались выше. В третьем квартале 1945 г. по сравнению с аналогичным периодом

³² Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность... Т. 1. С. 1070, 1204, 1217; РГАСПИ, ф. 644, оп. 2, д. 498, л. 80.

³³ РГАЭ, ф. 4372, оп. 94, д. 1077, л. 59.

³⁴ РГАСПИ, ф. 644, оп. 2, д. 506, л. 74–85.

³⁵ РГАЭ, ф. 4372, оп. 94, д. 1071, л. 316–322.

³⁶ Там же, л. 330.

1944 г., когда советская военная экономика работала на полную мощность, выпуск военной продукции сократился почти на 7 млрд руб.³⁷ Если обратиться к проекту пятилетнего плана восстановления и развития народного хозяйства СССР 1946–1950 гг., то в течение года ожидалось существенное снижение общего выпуска военной продукции (в три раза – с 51 млрд руб. в 1945 г. до 17,3 млрд в 1946 г.) и увеличение гражданского производства (почти на 20% – с 76 млрд до 92,3 млрд руб.). При этом удельному весу валовой продукции группы «Б» (предметы потребления) в общем объеме производства предстояло увеличиться с 24,4 до 31,7%³⁸. По данным Центрального статистического управления, направлявшего материалы в сводный отдел Госплана, в 1946 г. военные предприятия выпустили гражданской продукции на 16,2 млрд руб., что в 1,5 раза превысило показатель 1945 г., а рост выпуска гражданской продукции в общей структуре составил 20%³⁹.

Как свидетельствуют документы, на протяжении второй половины 1945 и начала 1946 г. в Госплане шла напряжённая работа по подготовке для правительства информационно-аналитических материалов о переводе военно-промышленных отраслей на работу в режиме мирного времени. Такой режим предполагал не только сокращение военного производства, но и повышение его качества⁴⁰. Он сопровождался перераспределением мощностей всех основных отраслей оборонки, кроме новейших (ракетной, радиолокационной, атомной), в пользу гражданского сектора. Распоряжение ГКО от 10 июня 1945 г. за подписью Берии поручало Наркомату боеприпасов организовать на своих заводах производство бурового и эксплуатационного оборудования для нефтяной промышленности. Через месяц обязательство по производству силовых установок к буровым станкам для «нефтянки» возложили на Наркомат танковой промышленности⁴¹.

Выбор такой специализации на отдельных предприятиях определялся ещё в годы войны. В той же танковой промышленности, не дожидаясь указания «сверху», в 1944 г. начали создавать «группы завтрашнего дня», которые готовили предложения о переводе заводов на гражданское производство. Уральский завод тяжёлого машиностроения готовился к выпуску установок глубокого бурения для нефтяной промышленности, а также тяжёлых экскаваторов для добычи угля и руды⁴². Следовательно, распоряжение от 10 июня 1945 г. не стало для ведомства неожиданностью.

В конце 1945 г. в Госплане шла подготовка проектов правительственных решений о производственной специфике военных заводов в условиях работы в мирное время. В январе 1946 г. в отделе вооружений для Берии и Сталина составили докладную записку с проектом постановления СНК СССР «О специализации заводов Наркомата вооружения на послевоенный период»⁴³. Аналогичные документы по остальным оборонным отраслям пока не выявле-

³⁷ Симонов Н.С. Военно-промышленный комплекс СССР... С. 194–195.

³⁸ РГАЭ, ф. 4372, оп. 94, д. 792, л. 95 об., 97 об.–98.

³⁹ Там же, д. 1546, л. 48.

⁴⁰ Там же, д. 1068, л. 207.

⁴¹ РГАСПИ, ф. 644, оп. 2, д. 505, л. 59; Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность... Т. 1. С. 1120.

⁴² Ермолов А.Ю. Танковая промышленность СССР в годы Великой Отечественной войны. М., 2009. С. 256.

⁴³ РГАЭ, ф. 4372, оп. 94, д. 1068, л. 276–297.

ны, однако можно предположить, что другие профильные отделы ведомства также подготовили соответствующие материалы.

Согласно записке, накануне и в годы войны в промышленности вооружений сформировались несколько крупных производственных кластеров: артиллерийский (14 заводов), стрелковый (9), патронный (13), радиолокационный (4), оптико-механический (9). Судя по объёму, документ, направленный Сталину, претерпел изменения в сторону сокращения (Берия получил более подробный текст). Он представлял собой результат согласования между Госпланом, Наркоматом вооружения и Берией как главой оперативного бюро СНК СССР, в котором принимались решения по вопросам промышленной политики. Соответственно, проект подписали Вознесенский, Устинов и Берия.

Он предполагал, что в 1946 г. предприятия Наркомата снизят выпуск промышленной продукции по сравнению с 1944 г. вдвое и вернуться примерно на уровень 1940 г. (см. табл.). В то же время другие показатели свидетельствуют о стремлении завершить конверсионный переход в течение 1946 г., добившись, чтобы гражданская продукция составила почти половину валового выпуска (47%), увеличившись по сравнению с 1944 г. почти в семь раз. При этом доле рабочих, занятых в гражданском производстве, предстояло возрасти в пять раз (до 60%).

Таблица

Производственные показатели предприятий Наркомата вооружения

Показатели/годы	1940	1944	1946 (план)
Валовый объём продукции (млн руб.)	6050	12459	6000
в том числе гражданская продукция (%)	15	7	47
Количество рабочих (тыс.)	286	316	270
из них на гражданском производстве (%)	26	12	60
Общее количество металлорежущего оборудования (единиц)	51920	76998	86118

Подсчитано по: РГАЭ, ф. 4372, оп. 94, д. 1068, л. 207.

В течение 1946 г. заводы Наркомата должны были выпустить широкий ассортимент оборудования для нефтяной и угольной промышленности, а также станко- и машиностроения (экскаваторы, паровозы, мотоциклы), оптико-механических приборов. В целом соответствовали отраслевому профилю большинства предприятий изделия, которые Госплан отнёс к ширпотребу: охотничьи ружья, мелкокалиберные винтовки и патроны к ним, фотоаппараты. Несмотря на то что удельный вес гражданской продукции Наркомата в общем народно-хозяйственном плане 1946 г. должен был составить менее 3%, по отдельным товарам ведомство рассматривалось авторами проекта как монополист.

Таким образом, Госплан выступил и как автор документа, и как сторона, участвовавшая в его обсуждении и утверждении на уровне правительства.

Выполняя директивы партийно-государственного руководства и опираясь на опыт отдельных заводов, ведомства приступили к разработке программы выпуска гражданской продукции на подведомственных предприятиях. Наркомат транспортного машиностроения (созданный на основе упразднённого Нарко-

мата танковой промышленности) в начале декабря 1945 г. подготовил и направил в правительство проект плана производства магистральных паровозов, тепловозов, товарных и пассажирских вагонов на 1946 г. Туда же поступил проект правительственного постановления об использовании освобождённых мощностей заводов авиационной промышленности, на которых планировалась сборка текстильных машин, троллейбусов, оборудования для Наркомата речного флота. Эти материалы рассмотрели 4 декабря 1945 г. на заседании оперативного бюро под председательством Берии⁴⁴.

О роли Вознесенского и, соответственно, усилении влияния Госплана на процесс планирования и реализацию конверсионного перехода свидетельствует его участие в двух межведомственных рабочих группах. Они рассматривали вопрос о выпуске гражданской продукции оборонными отраслями промышленности. Вопрос по Наркомату транспортного машиностроения Вознесенский изучал в составе группы, в которую входил руководитель этого Наркомата В.А. Малышев. В изучении аналогичных проблем на заводах Наркомата авиационной промышленности он принимал участие вместе с двумя заместителями Сталина в СНК — Л.М. Кагановичем и А.И. Микояном⁴⁵. Оценив предложения ведомств о перестройке их работы, Госплан приступил к разработке общего плана загрузки освобождающихся мощностей производством гражданских изделий.

В начале 1946 г. Вознесенский направил Берии записку, в которой предлагал заслушать на бюро Совета министров отчёты руководителей основных отраслей ВПК — Малышева, Устинова, М.В. Хруничева, Б.Л. Ванникова, П.И. Паршина — о результатах выполнения заданий правительства⁴⁶. Цель записки заключалась не только в том, чтобы дать пояснения к подготовленному плану для военно-промышленных министерств, но и в том, чтобы обеспечить промежуточный контроль выполнения правительственных директив. Судя по содержанию документа, Вознесенский был явно недоволен тем, как министры перестраивают работу подведомственных предприятий. План 1946 г. предусматривал сокращение валовой продукции авиапрома, сельскохозяйственного машиностроения, министерств вооружения, машиностроения и приборостроения по сравнению с 1944 г. с 32,4 млрд до 22,5 млрд руб. Такое сокращение объяснялось несколькими факторами: более высокими ценами на военную продукцию по сравнению с вновь осваиваемой оборонными заводами гражданской; сокращением численности рабочих почти на 200 тыс. человек (с 1295 тыс. в 1944 г. до 1011 тыс. по проекту на 1946 г.); отменой массовых сверхурочных работ и восстановлением отпусков, в результате чего число часов, отработанных каждым рабочим, должно было сократиться с 2900 в 1944 до 2100 в 1946 г.

В Госплане полагали, что ошибками в руководстве министры лишь усилили негативное воздействие конверсии на народнохозяйственный комплекс. Уменьшение численности рабочих свидетельствовало «о неудовлетворительных темпах перестройки промышленности на выпуск новой продукции, в силу чего не только не сохранена прежняя численность рабочих, но и оставшаяся часть рабочих далеко не загружена в соответствии с имеющимися мощностями оборудования... На деле сокращённый рабочий день используется крайне

⁴⁴ Там же, д. 302, л. 181.

⁴⁵ Там же, д. 302, л. 176.

⁴⁶ Там же, д. 1548, л. 91–92.

недостаточно в силу систематического срыва производства новой продукции». Сокращение рабочего времени можно было бы возместить увеличением производительности труда более чем на треть, однако в министерствах считали приемлемым только рост на 10%. Рабочие в ВПК использовались не полностью ввиду неподготовленности производства, отсутствия технической документации, оснастки и заделов в производстве.

Документы о реакции Берии на это обращение пока не выявлены. Однако, учитывая доверие, которым пользовался Вознесенский у Сталина, можно предположить, что он мог контролировать работу оборонных ведомств, используя свой аппаратный вес как председателя Госплана, руководителя оперативного бюро, заместителя главы правительства. Косвенно это подтверждают проверки, инициированные Госпланом на предприятиях Наркомата вооружения в начале 1946 г.⁴⁷ В их проведении Вознесенский задействовал аппарат уполномоченных в регионах.

Информационный ресурс Н.А. Вознесенского: проблемы конверсионного перехода на заводах Наркомата вооружения в оценках Госплана (1945–1946). Поскольку от позиции плановиков во многом зависело принятие решений о распределении ресурсов между ведомствами и реализация экономической политики в целом, Вознесенский располагал уникальной разносторонней информацией о состоянии народного хозяйства. Такая информация в виде докладных записок и писем стекалась в его секретариат от руководителей наркоматов-министерств их подразделений – главков и управлений. Этот серьезный ресурс можно было использовать в межведомственной борьбе за продвижение тех решений, которые председатель Госплана считал наиболее оптимальными.

Так, например, Вознесенский располагал информацией о проблемах с производством и хранением боеприпасов. Их решение откладывалось, пока шла война. Одной из проблем выступал острый недостаток взрывчатых компонентов и сырья для боеприпасов, который ранее компенсировался поставками по ленд-лизу. Глава Госплана знал, что в годы войны импортные поставки покрывали 30% потребности советской военной промышленности в тротиле. Также на импорт приходилось 24% пороха⁴⁸. Такие данные поступили от начальника Главного артиллерийского управления (ГАУ) маршала артиллерии М.Д. Яковлева, который в феврале 1946 г. направил в ведомство просьбу разрешить кризис в производстве боеприпасов в мирное время. Разумеется, об этом Вознесенский позднее, в своей известной книге о советской военной экономике, умолчал. Читателям пришлось довольствоваться лишь показателями превосходства производства боеприпасов СССР в 1941–1945 гг. над их выпуском царской Россией в годы Первой мировой войны, а также ставшей впоследствии хрестоматийной цитатой о том, что «удельный вес поставок промышленных товаров союзниками в СССР по отношению к отечественному производству в период военной экономики составляет всего лишь около 4%»⁴⁹. Не использовались в книге и другие сведения из записки Яковлева – например, о том, что в годы войны и в послевоенные месяцы промышленность испытывала недостаток цветных металлов (меди, олова, свинца и т.д.). Это «держало под большим

⁴⁷ Там же, л. 338–348.

⁴⁸ Там же, д. 1077, л. 12.

⁴⁹ *Вознесенский Н.А.* Военная экономика СССР в период Великой Отечественной войны. М., 1948. С. 76, 85.

напряжением нашу патронную промышленность и ставило её в зависимость от американских импортных поставок»⁵⁰.

Знал Вознесенский и о крайне низком качестве внешней отделки вооружения и боеприпасов, а также их упаковки. Такой подход к их производству в годы войны воспринимался как вынужденная мера: срок эксплуатации военной продукции в условиях боевых действий был ограничен, а масштабы расхода боеприпасов явочным порядком снимали вопрос об их длительном хранении. Однако с наступлением конверсионного перехода проблема выявилась во всей остроте. Яковлев отметил, что «оставшиеся от войны выстрелы не приспособлены для длительного хранения в войсках и на базах, так как не имеют антикоррозийного покрытия, герметичной упаковки взрывателей, средств воспламенения. Для этого требовалось большое количество краски, олифы, железа для укупорки». Глава ГАУ настаивал, чтобы заботу о переделке упаковки боеприпасов из бумажной в металлическую взяли на себя оборонные заводы. Относительно дальнейшего выпуска оборонной продукции позиция военных была категорична: производство вооружений и боеприпасов должно вестись в строгом соответствии с тактико-техническими требованиями мирного времени, а ГАУ должно обеспечиваться недостающими для комплекта элементами выстрелов и материалами «для приведения продукции в сносный для длительного хранения вид»⁵¹.

Озабоченность качеством хранения боеприпасов, произведённых и упакованных в период войны, представители Министерства вооружённых сил высказывали и в дальнейшем. В записке, направленной 7 июля 1946 г. начальнику управления оборонной промышленности Госплана Кирпичникову за подписью заместителя начальника ГАУ П.П. Чечулина, сообщалось о неудовлетворительных условиях хранения в войсках, на складах и базах 82мм мин. Их всё так же держали в деревянных лотках, изготовленных в годы войны и не отвечавших условиям длительной эксплуатации и складского хранения. Предлагалось заменить деревянную тару на металлическую, передав изготовление таковой в гражданский сектор – на завод «Полиграфмаш» Министерства машиностроения⁵².

Конверсионный переход проявлялся не только в загрузке освобождёвшихся мощностей оборонных предприятий, но и в снятии с гражданских ведомств военных заказов с последующей их передачей на профильные оборонные заводы. Если в Госплане такой подход понимали как необходимое условие, то для Министерства вооружённых сил как заказчика отраслевая принадлежность исполнителя принципиальной разницы не имела. Вероятно, по инициативе плановиков прорабатывался, например, вариант передачи выпуска артиллерийских систем М-42, ЗИС-2, ОБ-25 с передками в Наркомат вооружения. Весной такое предложение поступило Устинову в виде записки из Госплана. О том, что документ стал результатом согласования плановиков с военным заказчиком, свидетельствуют подписи начальника ГАУ Яковлева и начальника отдела вооружений Госплана Г.Н. Пашкова. Ранее передки к артиллерии изготавливали гражданские предприятия. Такая практика сложилась в годы войны и вполне устраивала НКВ. Вследствие этого Устинов отреагировал категорическим отказом. В ответном письме в Госплан от 9 апреля 1946 г. он обосновал свою

⁵⁰ РГАЭ, ф. 4372, оп. 94, д. 1077, л. 111.

⁵¹ Там же, л. 105–107.

⁵² Там же, д. 1068, л. 297.

позицию тем, что «размещение производства передков на завод НКВ приведёт неминуемо к излишним задержкам в сдаче, отправке и оплате артсистем на его предприятиях»⁵³.

Как уже отмечалось, в Госплане имели возможность получать информацию о том, как предприятия оборонных наркоматов адаптируются к работе в мирное время, не только от руководителей данных ведомств, но и от представителей плановых органов в регионах, обязанных фиксировать промежуточные результаты конверсии и настроенных более критично. Судя по содержанию их отчётов⁵⁴, испытывали проблемы заводы Наркомата вооружений, продукция которых (боеприпасы, стрелковое оружие, артсистемы) попала под серьёзные сокращения. Если в апреле 1945 г., когда был достигнут наибольший выпуск военной продукции за период войны, они изготовили вооружения на 980,4 млн руб., то уже в июне этот показатель снизился более чем на треть — до 634 млн, а в октябре составил 372,2 млн. При этом падение не компенсировалось ростом гражданского производства. Так, на заводе № 4 в первом квартале 1945 г. оно превышало запланированные показатели более чем втрое, однако в мирный период (третий квартал) получилось выполнить только 91% плана, причём оказались провалены задания по всем видам изделий мирного назначения, от насосов для нефтяных скважин до утюгов и мясорубок. При этом в 1946 г. завод должен был увеличить выпуск предметов гражданского назначения вдвое⁵⁵. По отдельным видам заказов военных изделий производство сокращалось ещё более стремительно. Например, на заводах стрелкового вооружения выпуск в октябре 1945 г. составил 16% от апрельских показателей⁵⁶.

Предполагалось, что мощности предприятий НКВ во втором квартале будут загружены за счёт освоения нефтяного, трикотажного, транспортного оборудования. Однако от представителей с мест Госплан получал информацию, что промежуточные результаты конверсионного перехода далеки от ожидаемых. Можно предположить, что на основе именно таких источников и составлялась докладная записка от 16 февраля 1946 г. (подписанная Кирпичниковым) «О ходе освоения освобождённых от военных заказов мощностей для производства гражданской продукции на заводах НКВ в 1945 г.»⁵⁷. Документ направили Берии как заместителю председателя СНК СССР. В нём констатировалось: итоги 1945 г. свидетельствуют, что «работа НКВ по освоению гражданских изделий ещё недостаточна». В четвёртом квартале разрыв между гражданским и военным выпуском составил более 20% (в пользу последнего). Освободившиеся при сокращении военной программы мощности использовались в гражданском производстве только на 30%.

Судя по содержанию документа, в Госплане полагали: причины проблемы как объективные (переходный период адаптации к работе в мирное время), так и субъективные, а именно, позиция руководства Наркомата и директорского корпуса. Намакалось на формализм в работе последних: они стремились отчитаться теми видами гражданской продукции, выпуск которых не требовал

⁵³ Там же, л. 319.

⁵⁴ Там же, л. 338–348.

⁵⁵ Шевченко В.Н. Конверсия военно-промышленного производства в первые послевоенные годы (1945–1946 гг.) // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. История и политические науки. 2009. № 2. С. 116.

⁵⁶ РГАЭ, ф. 4372, оп. 94, д. 1068, л. 334.

⁵⁷ Там же, л. 330–334.

серьёзных технологических и организационных решений, тогда как освоение более сложного в изготовлении оборудования (нефтяного, транспортного) откладывалось. На 9 заводах из 10 отмечалось снижение заработной платы. В течение года средний оклад рабочего в отрасли сократился на 17%, составив 2258 руб. за четвёртый квартал 1945 г.

Ответственность за сложившуюся ситуацию распределили поровну между Наркоматом, где «отсутствовало повседневное руководство делами перестройки заводов», и директорами заводов. На последних возложили вину за несвоевременное проведение организационно-технических мероприятий, «обеспечивающих не только освоение изделий, но и гарантирующих рентабельную работу заводам и нормальный заработок рабочим». Можно предположить, что Вознесенский (а без согласования с ним такой документ не мог быть направлен в секретариат Берии) рассчитывал на административное давление в отношении Устинова. По крайней мере, в записке содержалась просьба заслушать отчёт наркома о «ходе освоения освобождённых от военных заказов мощностей для производства гражданской продукции» на заседании оперативного бюро СНК. Однако Берия ограничился резолюцией: «Тов. Устинову Д.Ф. для принятия мер». Вполне возможно, что он, не один год соперничая с Вознесенским за влияние на Сталина⁵⁸, просто решил не «подыгрывать» Госплану.

Как в таких случаях поступал Вознесенский? Исходя из содержания ведомственной переписки Госплана, можно говорить о том, что он предпочитал обращаться к руководителям ведомств через своих заместителей. Те давали распоряжения начальникам отраслевых отделов, которые доводили позицию Госплана до конкретного министерства с указаниями на выявленные в ходе проверки недочёты на заводах. Например, ознакомившись с запиской уполномоченного Госплана по Владимирской обл. Л. Лебединского, Вознесенский поручил своему первому заместителю Сабурову довести выявленные на заводах боеприпасов проблемы до сведения наркома, а тот дал поручение Кирпичникову выйти на Устинова⁵⁹. Для руководителя Наркомата это был сигнал, что в отрасли есть проблемы, их выявили и доложили в правительство, нужно срочно принимать меры во избежание оргвыводов.

Через уполномоченных центральный аппарат Госплана определял содержание информационных потоков, поступающих плановикам в виде отчётов с мест. Тематика таких документов даёт представление о вопросах, которые в первую очередь интересовали ведомство Вознесенского. Например, в феврале 1946 г. его уполномоченные проверяли положение с кадрами и практику установления норм выработки для рабочих на патронном заводе № 710. На заводе стрелкового вооружения № 2 изучалась непростая ситуация с выпуском изделий мирной продукции в 1945 г. Как показали результаты проверок, администрации обоих предприятий не смогли адаптироваться к вызовам конверсионного перехода (отмена сверхурочных работ, сокращение кадрового состава, повышение требований к качеству продукции, сокращение фондов на сырьё и материалы), лишившись преимуществ военных лет. В итоге падение валового выпуска в мирные месяцы на заводе № 2 составило более 40% (сравнивались третий квартал 1944 и 1945 гг.)⁶⁰.

⁵⁸ Хлевнюк О.В. Советская экономическая политика... С. 82; Хлевнюк О.В., Горлицкий Й. Холодный мир... С. 43.

⁵⁹ РГАЭ, ф. 4372, оп. 94, д. 1068, л. 338.

⁶⁰ Там же, л. 338–347.

Основная вина, согласно докладу, лежала на руководстве Наркомата и администрации завода. В случае с заводом № 710 от НКВ к началу 1946 г. так и не поступило заданий ни по гражданской, ни по оборонной продукции. Завод № 2 такое задание в июне 1945 г. получил, однако администрация не разработала организационно-технические мероприятия по переходу на новые виды изделий⁶¹. Такое поведение в Госплане трактовали как нежелание заниматься выпуском изделий по заданной номенклатуре. Завод производил изделия ширпотреба, изготавливать которые «могла любая артель промкооперации» (протезные шины, мясорубки, телефонные катушки). В результате фрезерное оборудование, составлявшее 40% наличного парка завода, простаивало⁶².

Вместе с тем факты массового простоя станков на военных заводах не мешали руководителям ведомств стремиться сохранить такой же широкий доступ к ресурсам, который они имели в годы войны. Сокращение фондов на материалы, оборудование и рабочую силу воспринималось ими болезненно, и они продолжали ссылаться на директивы, принятые под воздействием чрезвычайных обстоятельств. К примеру, руководство Наркомата вооружения вполне устраивало постановление ГКО № 4347 от 16 октября 1943 г., разрешавшее всё оборудование, изготавливаемое подведомственными предприятиями, оставлять в его распоряжении. Когда же в Госплане при составлении баланса распределения оборудования на третий квартал 1945 г. решили изъять у заводов НКВ в пользу других ведомств до 70% изготовлявшихся станков, это вызвало протест со стороны Устинова⁶³.

Руководство Госплана и интересы ВПК: сопротивление конверсионному переходу (1947–1949). Исходя из содержания заявок, поступавших в Госплан от военно-промышленных министерств, можно говорить о том, что последние рассчитывали отыграть возникшие в процессе конверсионного перехода потери. В качестве необходимых условий для реализации производственной программы представители ВПК указывали на увеличение капиталовложений, перераспределение в свою пользу трудовых ресурсов (рабочих и инженерно-технического персонала), увеличение фондов на материалы и оборудование. Такая позиция противоречила самой идее конверсии, которую отстаивал Госплан, стремившийся к сбалансированности экономики. В книге «Военная экономика СССР в период Великой Отечественной войны» Вознесенский отметил, что «переход к мирной экономике осуществляется путём использования большей части военных и производственных мощностей для восстановления и развития народного хозяйства... Сотни крупнейших предприятий, занятых в период Отечественной войны военными заказами, переключаются на производство оборудования для тяжёлой промышленности и транспорта, для производства тракторов, сельскохозяйственных машин и удобрений и для производства предметов широкого потребления»⁶⁴.

В конце ноября 1946 г. глава Госплана получил из сводного отдела записку, из содержания которой становилось очевидным, что представители военно-промышленных министерств настроены на сокращение производства гражданской продукции и выполнение прежде всего оборонного заказа. Их сторону взяли и профильные отделы ведомства (авиационный, вооружения и т.д.).

⁶¹ Там же, л. 348.

⁶² Там же, л. 336–337.

⁶³ Там же, л. 338, л. 240.

⁶⁴ *Вознесенский Н.А.* Указ. соч. С. 177.

В сводном отделе выражали особенное недовольство позицией Министерства авиапромышленности и курировавшего его профильного отдела. Предложенный ими проект плана на 1947 г. «направлен, по существу, к вытеснению производства гражданской продукции с предприятий авиапрома». Если в 1946 г. от авиационных заводов ожидалось выполнение «гражданского» плана в объёме 2,2 млрд руб., то в проекте на 1947 г. — лишь 1,6 млрд, вдвое меньше, чем предусматривал пятилетний план на этот год. Более чем в два раза представители ведомства снизили показатели по машиностроительной продукции для сельского хозяйства: электромоторам и двигателям для комбайнов. Программу по сельхозмашинам полностью аннулировали. Согласно пятилетнему плану авиапром должен был произвести в 1947 г. 46,9 тыс. электродвигателей мощностью до 100 квт, 10 тыс. моторов для комбайнов. Отдел авиапромышленности Госплана, учтя интересы ведомства, снизил задание соответственно до 21,6 тыс. и 4 тыс.⁶⁵

Такая же ситуация сложилась и с корректировкой планирования производства ширпотреба. Минавиапром рассчитывал полностью снять со своих предприятий сборку велосипедов, холодильников и пылесосов. Так же поступило и Министерство вооружения с выпуском коньков. Министерства машиностроения и приборостроения урезали план по выпуску кроватей и часов. В ноябре 1947 г. министерства вооружённых сил и транспортного машиностроения представили согласованную заявку на вооружение и бронетехнику на 1948 г. Она существенно превышала план 1947 г. Заказ танков и самоходных артиллерийских установок вырос с 1150 до 4350 единиц, артиллерийских снарядов всех калибров — с 2061 тыс. до 6519,5 тыс. штук. Госплан высказался категорически против. Как отмечалось в одной из докладных записок, для удовлетворения потребностей Министерства вооружённых сил потребовалось бы перераспределить в пользу «оборонки» в 2–3 раза больше проката чёрных металлов, азотной и серной кислоты, пиломатериалов⁶⁶. Обобщив проекты производственной программы на 1947 г., сводный отдел Госплана предложил отвергнуть подобные предложения, «так как они направлены на срыв заданий пятилетнего плана по производству товаров широкого потребления». Вознесенский встал на сторону критиков оборонных министерств и поставил резолюцию: «Членам Госплана. Прошу обратить внимание на записку тов. Иванова. Считаю его предложения правильными. Их необходимо принять. 3.12.1946 г.»⁶⁷.

Позиция Вознесенского повлияла и на составление «Мобилизационного плана по производству порохов и взрывчатых веществ», направленного в бюро Совета министров СССР 23 мая 1947 г. Данный материал первым исследовал Н.С. Симонов. Опираясь на его выводы, полагаю, что это был ключевой уровень согласований ведомственных интересов. По результатам обсуждения в бюро аппетиты представителей ВПК оказались существенно урезаны (как и настаивало руководство Госплана). Например, запрос Министерства химической промышленности СССР на реконструкцию военно-химических заводов в 1948–1955 гг. бюро сократило с 2,7 млрд до 1,8 млрд руб. Количество строящихся пороховых заводов сократили вдвое (с шести до трёх)⁶⁸.

⁶⁵ РГАЭ, ф. 4372, оп. 94, д. 1558, л. 318.

⁶⁶ Симонов Н.С. Военно-промышленный комплекс... С. 199.

⁶⁷ РГАЭ, ф. 4372, оп. 94, д. 1558, л. 317.

⁶⁸ Симонов Н.С. Военно-промышленный комплекс... С. 198.

В процессе корректировки годовых планов в Госплане проводились совещания по разногласиям с министерствами. Позиция руководителей ВПК определялась стремлением не допустить повышения плана выпуска продукции или перехода на новые виды изделий без максимального обеспечения ресурсами. Они также добивались сокращения обязательств по тем или иным видам гражданской продукции, стремясь переложить это бремя на предприятия необоронного профиля. Содержание материалов, которые поступали в Госплан от наркоматов/министерств по поводу корректировки проектов планов, показывает, что предметом разногласий могли стать любые показатели⁶⁹. Соответственно, ведомственный интерес заключался в том, чтобы сделать обязательства по плану менее обременительными, а условия их выполнения – более комфортными. Достижение данной цели позволяло ведомствам формировать отчёты с максимально позитивными результатами, которые, в свою очередь, должны были повлиять на оценку работы ВПК Госпланом и правительством.

При этом комиссии по разногласиям и руководству Госплана предстояло выработать итоговое предложение для правительства по утверждению параметров плана. Но, как свидетельствуют документы, между Госпланом и военнопromышленными ведомствами шла регулярная «борьба за цифры». Как правило, плановики не соглашались с желанием «оборонки» получить преференции. Однако Госплан тяготел к поиску компромиссов. Доказательством этому служит, например, окончательный вариант проекта «О восстановлении и развитии народного хозяйства на 1950 г. по военным и специальным отраслям промышленности». Комиссия по разногласиям подготовила его 2 декабря 1949 г. К этому времени представители ВПК добились определённых послаблений: пересмотра в сторону снижения первоначального варианта Госплана по выпуску эсминцев и крейсеров (на 30%) и освобождения двух заводов министерств судостроительной промышленности и транспортного машиностроения от производства подводных лодок (предприятия не могли быть обеспечены в необходимом количестве комплектующими материалами с других заводов). Министерству авиационной промышленности снизили на 18% план выпуска реактивных двигателей ВК-1. Министерству транспортного машиностроения, ответственному за выпуск бронетехники, сократили программу по бронекорпусам для бронетранспортёров, передав заказ в Министерство строительного и дорожного машиностроения. Отказались и от идеи обязать Министерство тяжёлого машиностроения создать на Уральском машиностроительном заводе мощности для выпуска 150 артсамоходов и бронетранспортёров⁷⁰.

В то же время задача Госплана заключалась в обеспечении определённого баланса ведомственных интересов. Если, с точки зрения плановиков, военнопromышленные министерства предъявляли завышенные требования, угрожавшие выполнению общего народнохозяйственного плана, они получали отпор. Так, при уточнении параметров на 1951 г. Госплан столкнулся с противодействием руководства авиапрома по целому ряду позиций. Министерство предлагало цифры по выпуску продукции гражданского назначения ниже тех, на которых настаивал Госплан (в отдельных случаях – до 80%). Например, пла-

⁶⁹ В список согласований включались производство (валовое, товарное, в натуральном выражении); поставки по кооперации другим министерствам; труд и кадры (выработка на одного рабочего в оптовых ценах предприятий, численность рабочих, ИТР, служащих, фонд зарплаты); себестоимость; капитальное строительство.

⁷⁰ РГАЭ, ф. 4372, оп. 97, д. 93, л. 1.

новики ставили отрасли задачу произвести 5 тыс. холодильников, а ведомство считало приемлемым план в пять раз меньше, задачу производства оборудования для обувной промышленности же вообще отвергло. При разборе этих материалов комиссия приняла вариант Госплана, обосновав решение «потребностями народного хозяйства и имеющимися мощностями»⁷¹. Не оказалось в проекте плана и выпуска электрочайников, хотя годом раньше министерство отчиталось о производстве 10 тыс. штук. В Госплане обратили внимание и на это, дав авиапрому такое же задание на 1951 г.⁷²

Как следует из имеющихся материалов, военно-промышленные министерства старались не обременять себя обязательствами по производству гражданских товаров. С другой стороны, при обсуждении вопроса о распределении ресурсов (капиталовложений и рабочей силы) позиции Госплана и военно-промышленных министерств менялись местами. В проекте плана на 1951 г. руководство авиапрома предлагало увеличить численность рабочих с 375 тыс. до 405 тыс. человек. Плановики снизили эту цифру до 397 тыс. Если в авиапроме рассчитывали получить 1790 специалистов с высшим образованием, то их визави соглашались только на 1130, мотивируя тем, что такую потребность удовлетворить невозможно, поскольку она превышает численность выпускников соответствующих специальностей в вузах⁷³.

Итак, совокупность имеющихся фактов даёт основание говорить о существенной роли, которую играл Госплан в разработке и проведении конверсии в военной промышленности во второй половине 1945 – начале 1946 г.⁷⁴ Конечно, принятие принципиальных решений оставалось за Сталиным. Однако плановики обладали самой полной информацией о состоянии советской экономики, формируя на основе обобщённых данных пропорции развития народного хозяйства. Благодаря этому Вознесенский имел серьёзный административный, а главное, информационный ресурс для участия в управлении экономикой.

Первые директивы высших органов власти, прежде всего ГКО, показывают, что видение того, как будет осуществляться конверсионный переход, складывалось постепенно. Требовалось время, чтобы собрать информацию с мест, изучить возможности военно-промышленных ведомств, составить планы производства гражданской продукции по каждому из них, распределить материально-технические и кадровые ресурсы. Поэтому Госплан становился объектом давления, получая массу жалоб на несправедливое распределение фондов, сокращение капиталовложений, увеличение производственной программы. Утверждение, что предприятия отказывались сотрудничать с плановыми органами⁷⁵, не выдерживает критики. Документы свидетельствуют о прямо противоположной ситуации, и дело тут не в желании администрации предприятий. Работа уполномоченных Госплана в регионах делала такое сотрудничество неизбежным. Ведомство также выступало модератором межведомственных отношений, имея возможность поддержать одни просьбы и отвергнуть другие. Фактически Госплан располагал широкими возможностями влияния на принятие важных хозяйственных решений, и период руководства им Вознесенского можно считать пиком влияния этой структуры.

⁷¹ Там же, оп. 98, д. 219, л. 32–33, 37–38, 40, 43.

⁷² Там же, д. 220, л. 63–64.

⁷³ Там же, д. 219, л. 43.

⁷⁴ РГАСПИ, ф. 644, оп. 2, д. 506, л. 74–85.

⁷⁵ *Edele M. Stalinist society...* P. 196.